

Гуманитарная культура как константа сохранения *humanitas*

В.И. Миськевич

*Белорусский государственный университет информатики и
радиоэлектроники, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail uladzimirmis781@gmail.*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные теоретико-методологические проблемы и статус гуманитарной культуры в контексте предметного поля культуры. Акцентируются содержательные аспекты концепта «гуманитарная культура» в историко-культурных традициях различных народов. Проведен логический анализ соотношения понятий «культура», «гуманитарная культура», «негуманитарная культура». Выделены и исследованы основные модусы объективного бытия гуманитарной культуры. Обосновывается идея необходимости сбережения и приумножения культурного многообразия человечества и гуманитарной культуры любого этноса как предпосылки сохранения *humanitas* – человеческой природы.

Ключевые слова: культура, гуманитарная культура, негуманитарная культура, модусы гуманитарной культуры, *humanitas*.

Humanitarian culture as a constant for the preservation of *humanitas*

V.I. Miskevich

*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Republic
of Belarus
e-mail uladzimirmis781@gmail.*

Annotation. The article discusses current theoretical and methodological problems and the status of humanitarian culture in the context of the subject field of culture. The content aspects of the concept of "humanitarian culture" in the historical and cultural traditions of various peoples are emphasized. A logical analysis of the relationship between the concepts of "culture", "humanitarian culture", and "non-humanitarian culture" is carried out. The main modes of objective existence of humanitarian culture are highlighted and investigated. The idea of the need to preserve and enhance the cultural diversity of mankind and the humanitarian culture of any ethnic group as a prerequisite for the preservation of *humanitas* is substantiated.

Keywords: culture, humanitarian culture, humanitarian culture, forms of humanitarian culture, *humanitas*.

К истории вопроса

В массовом сознании гуманитарная культура обычно ассоциируется с гуманитарным образованием и гуманитарными знаниями людей – историческими, философскими, педагогическими искусствоведческими, теологическими, эстетическими, этическими, правовыми и т.п., а также их манерами и поведением. Вместе с тем уже в культуре древнего мира можно обнаружить более широкий и глубокий ракурс видения и понимания культуры, обращённой к человеку. Кроме её знаниевой и поведенческой компоненты мы обнаруживаем «там» ещё и духовное, телесное и социальное измерения. В древней Индии, например, путь к освобождению виделся в сосредоточенном занятии индивидом специфическими интеллектуальными, духовными и соматическими практиками. В Древнем Китае непременными атрибутами «благородного мужа» было государственное служение, глубокое знание истории, философии, литературы, ритуалов, искусство каллиграфического письма, стрельба из лука и управление колесницей. В античной Греции важнейшей добродетелью свободного человека считалось стремление к гармоничному развитию ума и тела, логоса и этики. Гуманитарная культура Древнего Рима, как и древнекитайская, была социоориентированной. Наряду с философским образованием, знанием истории и права, ораторским мастерством, первостепенное внимание уделялось культивированию духа гражданственности, с одной стороны, и этических добродетелей – с другой. В средние века основным источником познания и миропонимания, в том числе экзистенциальных знаний о человеке, была Библия. Вместе с тем школяры, изучая «свободные искусства», классические языки и тексты древних авторов, считалось, приобретали также нечто важное для понимания самих себя и своего места в мире. В средневековой Японии самурай, помимо совершенствования в боевых навыках, должен был использовать досуг для изучения наук, упражнений в поэзии и постижения тонкостей чайной церемонии. Однако самый существенный сдвиг, «фундаментальное переворачивание» (Л. Сэв) мировоззренческих представлений о человеке приходится на эпоху Возрождения. Формируется идеология гуманизма, ставшая «благодатью» последующей европейской истории и культуры. Человек, осознавший себя творцом, усмотрел своё предназначение в преобразовании мира и преображении себя посредством опредмечивания собственных сущностных сил. Однако вскоре выяснилось, что потенциала искусства и духа титанизма для этих целей недостаточно. Нужен был новый инструмент. И вскоре он был найден. Им оказалась наука, научный разум в форме математического экспериментального естествознания. С этого момента наметился (тогда ещё совершенно не очевидный) раскол в культуре. Пришедшиеся на новое время и эпоху Просвещения научная революция, промышленный переворот, социальные революции в Старом и Новом свете сместили фокус интересов с антропософских проблем на исследование природы, политики и

экономики. В XIX в. естествознание дифференцировалось по критерию объекта исследования и приобрело дисциплинарный способ организации. Параллельно шел процесс становления кластеров технических и социогуманитарных наук. Соответственно модернизировалась система образования. К середине века сформировалась новая образовательная парадигма. Её основной целью была подготовка профессионалов – ученых, инженеров, практиков. По мере утверждения техногенного общества неуклонно возрастали авторитет и социальный статус носителей новой, «техноциентистской» культуры. Они были ориентированы на познание природы с последующим опредмечиванием полученных знаний в мир артефактов, т. е. технику, технологии, предметы быта и роскоши. Знания реально начали превращаться в «силу», изменяющую мир. Что касается гуманитарного образования, то оно продолжало культивироваться в классических университетах Европы, однако и там активно шёл процесс перестройки: открывались естественнонаучные и технические кафедры, факультеты и лаборатории. А вот в учебных заведениях нового типа («краснокирпичных университетах») его удельный вес в программах обучения изначально был невысоким. И к настоящему времени гуманитарная подготовка в образовательных программах учреждений образования сохранилась, по большей части, благодаря традиции. Получаемые учащимися в школе и на соответствующих курсах университетов гуманитарные знания мало чем полезны им в жизни. «Психологи, анализирующие содержание социальных сообщений, убеждаются в том, как мало – во всяком случае в жизни большинства людей – значит образование, полученное, например, в лицее, то есть в период жизни, посвященный в основном гуманитарному образованию. В «оснащении» ума рядового человека гораздо большую роль играет сегодня то, что он прочтет на афише в метро, услышит по радио, увидит в кино или по телевизору, прочтет в газете по дороге на работу или узнает из разговоров с сослуживцами и соседями; от школы остается только дымка полузабытых понятий» [1, с. 41], – писал французский социолог А. Моль ещё в начале 60-х гг. Об Интернете, заметим а priori, в те времена ещё не подозревали.

Сегодня статус гуманитарного образования проблематичен в ещё большей степени. И не только потому, что не хватает талантливых педагогов, специально оборудованных классных помещений, что в негласном «табели о рангах» дисциплины гуманитарного профиля числятся среди аутсайдеров. Главное – нет ясного понимания того, чему и как учить молодёжь. Искусство, литература, история, музыка, религия, религиоведение, философия, история, этика, лингвистика, ... Что и по каким критериям из этого безбрежного моря гуманитарной культуры выбирать? Чему учить? Как привить интерес? Какова должна быть педагогическая концепция гуманитарного образования? В чём польза гуманитарных знаний для выживания в современном мире? Широкой дискуссии по этим проблемам сегодня нет даже среди интеллектуальной элиты общества. «Физиики» и

«лирики» сосуществуют как бы в разных измерениях. «На одном полюсе — художественная интеллигенция, на другом — ученые, и как наиболее яркие представители этой группы — физики. Их разделяет стена непонимания – иногда – особенно среди молодежи – даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, непонимание. У обеих групп странное, извращенное представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций». [2, с. 20]. Так характеризовал ситуацию в интеллектуальной среде середины XX века Ч. Сноу, английский учёный и писатель. С тех пор ситуация усугубилась. Ряды критиков гуманитаристики пополнились адептами информационно-компьютерного восприятия и понимания человека.

Как следствие, угасание общего интереса к гуманитарному образованию. Так, в Великобритании с 2010 по 2018 годы общее количество студентов увеличилось на 13,5%. Но это увеличение больше всего коснулось математики (43,4%) и меньше всего – изучения языков (2,5%), истории и философии (0,1%). В США только 7 % от общего числа студентов выбирают своей специальностью гуманитарные науки – вдвое меньше, чем в 1970-е годы (см.: [3]). В 2015 г. Министерство образования Японии направило в 86 государственных национальных вузов письмо с рекомендацией сосредоточиться на областях знаний, «лучше отвечающих потребностям общества», т. е. сократить или отменить вовсе учебные программы по социальным и гуманитарным наукам. В результате 17 вузов объявили о закрытии гуманитарных программ, а ещё 9 согласились их сократить. Эти университеты теперь не будут готовить специалистов-гуманитариев (см.: [4]),

С 2016 г. в вузах Казахстана социально-гуманитарные дисциплины из ряда обязательных были переведены в дисциплины по выбору. А историю Казахстана студенты стали изучать только новейшую, т. е. с 1991 г. Вузы РФ с 2022 г. страны перешли на модульную систему преподавания. В социально-гуманитарном модуле сохраняется преподавание философии, истории, экономики и права, но полностью исключены социология, культурология, мировая художественная культура и политология. В Республике Беларусь существует сложившаяся десятилетия тому назад общая схема социогуманитарного образования. Будучи реконструированной под Болонский процесс в постсоветские времена (по образу и подобию российских стандартов), она, мягко говоря, является малоудовлетворительной. Нет общей идеи, концепции, содержательной логики, понимания целей. Косвенным образом об этом свидетельствуют и её постоянные «оптимизации» и попутно «минимизации». Сегодня социогуманитарный блок лишь формально присутствует в программах обучения. А в обозримом будущем, не исключено, может и исчезнуть вовсе. Причём данный тренд является повсеместным. Ф. Донахью, профессор английской словесности в университете штата Огайо, констатирует: «...Во всех университетах центр тяжести сдвинулся так далеко

от гуманитарных наук, что самым уместным ответом на вопрос "Выживут ли гуманитарные науки в XXI веке?", будет не "да" или "нет", но "Кого это волнует?"... Университетские курсы периодически обновляются, и гуманистике просто не остается места в учебных планах XXI века». (см.: [5]). Подобная перспектива не в последнюю очередь связана с пониманием статуса и функций гуманитарной культуры в современном обществе и, соответственно, отношением к ней. Вот почему представляется важным ещё раз обратиться к прояснению смыслов контента категорий «культура», «гуманитарная культура», «негуманитарная культура».

Культура и гуманитарная культура

Определение и уяснения сути понятия культура задача не из простых. Этимология слова указывает «направления пути» и не более. В европейской истории содержание данного термина постоянно изменялось и обогащалось всё новыми коннотациями и значениями. В работах современных культурологов и исследователей из специальных областей знаний приводятся сотни её различных дефиниций. Ограничимся двумя. «Культура... дело рук человека — в ней он ищет свое отражение, в ней узнает себя, только в этом критическом зеркале он и может увидеть своё лицо. (Ж.-П. Сартр). «Культура — это итог достижений отдельных лиц и всего человечества во всех областях и по всем аспектам в той мере, в какой эти достижения способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу» (А. Швейцер). Из этих двух взаимоперекликающихся определений мы и будем исходить.

Культура – это способ бытия человечества как рода и индивида как личности. Или, слегка перефразируя М. Хайдеггера, культура – это дом бытия человека. Это бытие предполагает активное, творчески-преобразующее отношение к природе посредством актуализации всего спектра «сущностных сил» (Маркс) человека, включая использование синергического потенциала общества и государства как самоорганизующихся систем, создание «второй природы», и, last but not least, конструирование (как осознанно, целерационально, так и спонтанно-бессознательно) информационно-знакового и ценностно-смыслового континуума. Этот континуум (архетипы, социально-психологические феномены мира повседневности, языковая картина мира, формы общественного сознания, мировоззрение) объемлет, как небосвод, всё сущее. В нём, как в зеркале, «отражается» материально-практический и социокультурный опыт бытия общества данной эпохи. Там же содержится самый широкий и разнообразный спектр программ его жизнедеятельности. Реализуя их посредством всевозможных практик, человек самоутверждается в своей родовой сущности, преобразует мир и преображает себя. Стало быть, вся творимая социальным субъектом культура (его «дом

бытия») исходит от человека (созидается им) и в той или иной форме к нему же возвращается. И в этом плане для гипотетического инопланетянина все формы культуры и способы её опредмечивания/распредмечивания Homo sapiens суть гуманитарные, т. е. вытекают из humanitas, человеческой природы.

Тем не менее, факт выделения гуманитарной культуры в отдельный культурный кластер является эмпирической данностью и, как отмечалось выше, так или иначе всегда артикулировался в истории. Однако, что касается теоретического осмысления самого понятия «гуманитарная культура», то оно стала предметом сосредоточенной рефлексии сравнительно недавно – лишь во второй половине XX в. в Начало данного процесса чаще всего связывают с упоминавшимися работами Ч. Сноу («Две культуры») и А. Моля («Социодинамика культуры»). Названные авторы, кажется, первыми поставили ряд вопросов о специфике гуманитарной культуры, её месте и статусе в общекультурном пространстве, взаимоотношениях с другими формами культуры, её роли в воспитании и образовании человека, а также углубляющейся пропасти между гуманитарной и естественнонаучной интеллигенцией. В настоящее время научные дискуссии продолжаются и всё чаще носят междисциплинарный характер.

В терминах логического анализа понятие «гуманитарная культура» с точки зрения его объема и содержания относится как видовое к более общему по отношению к нему родовому понятию «культура». Кладём критерий «гуманитарная культура» в основание дихотомического деления понятия «культура». Получается круг Эйлера, делённый пополам. Дополнением к классу (родовому понятию) «культура» будет понятие «негуманитарная культура». Однако содержание данного понятия несколько двусмысленно. В справочных изданиях данного термина нет. Тем не менее, логика анализа требует движения вперёд. Содержание понятия «негуманитарная культура» может быть раскрыто посредством указания на специфицирующие его признаки. Таковыми, на наш взгляд, являются его: а) когнитивные и инструментально-функциональные характеристики (аксиологический момент в этом содержании представляется ничтожным) и, б) объектность, т. е. направленность на предметный мир вне человека. Формально этим критериям удовлетворяют 1) рационально-логическая, 2) научно-теоретическая, 3) математическая, 4) техносциентистская и, 5) отчасти профессиональная культура. Взятые вместе, они составляют объём понятия «негуманитарная культура». Впрочем, оговорюсь, данное деление не строгое, виды не исключают друг друга. Но в данном случае важен принцип, подход. Специфицируют эти формы негуманитарной культуры, повторимся, такие маркеры, как абстрагирование от аксиологических и чувственно-эмоциональных компонентов, и центрация на объекте как таковом. С этой точки зрения, названные формы «негуманитарной культуры» в некоторой степени удовлетворяют сформулированным критериям. Однако вдумавшись, понимаем, что моменты дистинкций и объектности не следует

абсолютизировать. Возьмём, к примеру, классическое естествознание с его пафосом объективной истины, элиминацией всякой субъективности в исследовании и представлении результатов, стремлением к дисциплинарной самоизоляции. Однако течением времени идеалы и нормы научного познания претерпели изменения. Уже к середине XIX века выявилась ограниченность прежней гносеологической установки. Одним из первых на магистральный путь развития науки в будущем указал Маркс. Известны его слова о том, что «впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание – это будет одна наука». Данное предположение, сделанное им более 150 лет назад, вполне соответствует современной динамике развития научного познания. Постнеклассическая наука (по терминологии В. С. Стёпина), всё чаще начинает включать в стратегию исследования и аксиологическое **измерение**. [] Экологическая культура, биоэтика, этика благоговения перед жизнью, инженерная этика, промышленный и бытовой дизайн, гуманитарная экспертиза, научный этос... Сегодня эти термины прочно вошли в тезаурус научного познания и инженерной деятельности. Более того, фундаментальные научные исследования, связанные с поиском внеземной жизни и внеземного разума, должны, по мысли С. Хокинга, исходить из презумпции возможной агрессивности по отношению к землянам гипотетических «братьев по разуму». На горизонте научного поиска – различные варианты «совершенствования» тела и мозга человека, пополнение нашей ниши обитания антропоморфными роботами, биоклонами и прочими «человеками+». В этой связи естественным образом возникает ряд непростых философских, религиозных, этических и правовых вопросов.

И ещё один важный момент. Любое содержание существует не иначе, как через форму, оказывающей на него обратное воздействие. Самые разнообразные практики, посредством которых человек утверждает себя в мире, имеют человеческую форму реализации, сопряжены с его неэллиминируемой телесностью и субъективностью. Поэтому любая культура, ещё раз, является гуманитарной, ибо своими истоками восходит к человеческой натуре, *humanitas*, и в виде тех или иных «плодов» к нему же возвращается. И даже нечто греховное, «антикультурное» в самом человеке может быть ему же на пользу. «Сказываю вам, что так на небесах больше радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии" (Лк. 15:1-7). Каким образом подобное преобразование может случиться с человеком, великолепно показано Л. Н. Толстым в повести «Фальшивый купон».

О гуманитарной культуре можно говорить в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле гуманитарная культура – это синоним слова культура. Ибо нечеловеческая культура нам не ведома. В будущем, возможно, искусственный интеллект в его сильной версии начнёт

генерировать некую gag (англ. «отсебятина») в чуждых для нас, нечеловеческих формах. В узком же смысле гуманитарная культура – это культура, обращенная к человеку, центрированная на культивировании «человеческого в человеке» и «антропоморфизации» его жизненного пространства. Или, более философично: человек – это «пересечение всех кругов бытия» (Н. А. Бердяев), т. е. существо космогеобиопсихосоциорациодуховное. Посредством своей деятельности Homo «вписывается» в бытие как его образ и подобие – Das sein (здесь бытие). Гуманитарная культура, будучи «моментом» этой деятельности, нацелена на производство надприродного, ценностно-рационального и духовно-смыслового измерения бытия человека, которое, собственно, и является его «домом». Эта деятельность имеет два измерения: социальное и личностное. В социальном аспекте гуманитарная культура предстаёт как внутренне дифференцированное единство образующих её объективированных модусов (способов существования), единство, которое корректнее было бы именовать социогуманитарной культурой, поскольку отделить в ней «социальное» от «человеческого» можно лишь in abstracto. К таким её модусам, на наш взгляд, можно отнести: 1) культуру предметно-символическую в её институционально-функциональной репрезентации; 2) повседневную культуру, 3) культуру духовно-символическую и гуманитаристику; и, 4) языковую картину мира. Личностный же аспект гуманитарной культуры «сопряжён» непосредственно с экзистенцией и проявляет, обнаруживает себя в степени развитии сущностных сил человека, т. е. его тела, психики, ума, воли, чувств, социального и эмоционального интеллекта, воображения, способностей, потребностей, коммуникативных навыков и т. д. Если обобщить, гуманитарная культура личности – это прежде всего, деятельностно-практическое, «понимающее» отношение человека к жизни и самому себе.

Объективированные модусы гуманитарной культуры

Предметно-символическое бытие гуманитарной культуры является неотъемлемой частью рукотворного мира людей. Историко-культурная ценность дворцов, храмов, соборов, замков, театров, концертных залов, выставочных галерей, музеев, филармоний, библиотек, монументов, стел, скульптур, памятников, триумфальных арок, художественных школ и академий, университетов, спортивных сооружений и т. д. неотделима, в том числе, и от их гуманитарного и гуманистического потенциала. Будучи сами по себе воплощениями и хранителями не только «застывшего во времени духа эпох», но и бесценных символических артефактов, эти творения человеческого гения и мастерства, каждое по-своему, «оживляют» прошлое,

ретранслируют его в наше настоящее и, укореняясь в душах современников, обеспечивают тем самым связь времён и поколений.

Данный – объективированный – континуум гуманитарной культуры можно рассматривать не только с точки зрения ценностно-смысловых аспектов его бытия, но и в аспекте деятельности институтов культуры. Эта деятельность является очень разноплановой и регламентируется нормативными документами государства. Однако это возможно в том случае, если существуют юридические дефиниции культуры, культурной деятельности, культурной ценности, культурного наследия и т. д. Причём нормативное понимание культуры по необходимости должно быть (по возможности) однозначным и императивным. Ибо только в этом случае возможна общая культурная политика государства, институциональная организация сферы культуры, деятельность конкретных учреждений, их финансовая поддержка, управление и контроль (в той или иной, предусмотренной законом, форме). В большинстве стран государственную политику в сфере культуры проводят соответствующие министерства (хотя из названия от страны к стране могут и варьироваться). В нашей стране этим занимается Министерство культуры. Но даже в тех странах, где нет министерств культуры (например, в США), государство всё равно занимается вопросами культуры, регулируя, например, работу музеев посредством Смитсоновского института (государственная структура), или направляя эстетическую деятельность в стране с помощью Национального фонда искусств. Таким образом, повторимся, нормативное (правовое) понимание культуры по необходимости является императивным. Законодатель исходит из тех или иных государственных приоритетов, сформулированных в конституции, идеологии или из существующих традиций, фиксирует и возводит в ранг юридической нормы ту или иную концепцию культуры и вытекающие из неё дефиниции. Приняв правовую форму, они переводятся в плоскость целе- и ценностнорациональных практических действий учреждений культуры. Это важно понимать теоретикам культуры. И иметь в виду перспективу подобного выхода на практику их изысканий.

Следующий модус бытия гуманитарной культуры, который также объективен по отношению к любому обывателю – это повседневность с её обыденным сознанием и здравым смыслом. Этот жизненный мир определяет траектории социализации абсолютного большинства людей и их человеческий (гуманитарный) профиль. Вот как эту истину выразил С. Моэм в романе «Лезвие бритвы»: «Ведь ни один человек не существует сам по себе. Люди – это и страна, где они родились, и ферма или городская квартира, где они учились ходить, и игры, в которые они играли детьми, и сплетни, которые им довелось подслушать, и еда, которой их кормили, школа, где их обучали, спорт, которым они увлекались, поэты, которых читали, и Бог, в которого верили. Все это и сделало их такими, как они есть, и все это нельзя усвоить

понаслышке, а можно постичь, только если сам это пережил. Если это часть тебя самого» [5, с. 287].

Культура повседневности синкретична и формируется по большей части спонтанно. Её подосновой всегда была традиция (в широком смысле этого слова) «Встраиваясь» в неё, индивид усваивал и социогуманитарные координаты межличностных интеракций. В доиндустриальном обществе её ядром была религия (вначале поли-, а затем монотеистическая) и связанные с нею обряды, ритуалы, культы, табу, нормы, праздники и в целом образ жизни. В своей совокупности они формировали паттерны самовосприятия и самовыражения личности. Гуманитарная культура (в отчётливой форме) обнаруживала себя в житейской мудрости человека с вытекающим из неё гуманным отношением к жизни, другим людям и к самому себе. В отечественной литературе примером такого мудрого, по сути стоического, отношения ко всем выпадавшим на его долю ударом судьбы может быть жизненный путь рыбака Павла – главного героя романа Э. Ожешко «Хам».

В индустриальном обществе центр жизни сместился в город. Традиционный «жизненный мир» с его системой человеческих отношений исчез. Ему на смену пришла иная повседневность. Она стала определяться достижениями научно-технического прогресса, настроениями и инстинктами восставших масс, социально-политическими идеологемами и техносциентистскими утопиями (либеральными, социалистическими, националистическими, технократическими). Некоторые из них легли в основу масштабных социальных экспериментов. Человек (особенно в условиях тоталитарных режимов) стал объектом целенаправленного влияния и манипулирования со стороны государства. Основными агентами этого процесса были система образования, СМИ, пропаганда, идеологизированное искусство. В «открытых обществах» (К. Поппер) эти функции реализовывались более изощрённо, в том числе посредством потребительской идеологии, рекламы и массовой культуры. Общим итогом эпохи индустриализма (в интересующем нас плане) стала отчуждённость человека от традиционных систем ценностей, разуверенность в классических идеалах, кризис гуманистического мировоззрения. Культура перестала быть цельной, превратившись в мозаику различных (нередко контрадикторных), никак не связанных между собой, образований (А. Моль). Их носителями, живущими в одном мегаполисе, оказались представители разных рас, наций, диаспор, религий, конфессий, социальных страт, профессиональных групп, меньшинств, маргиналов и т. д. И, кажется, единственной «территорией», на которой большинство из них могло «сойтись», стала массовая культура с присущей ей общностью быта, развлечений и источников информации. В «век толп» (С. Московичи) концерты, шоу, спортивные состязания, моллы, средства mass media и т. п. превратились в универсальные ресурсы удовлетворения потребностей масс во времяпровождении, развлечении, получении удовольствия и информации. Однако насколько этот

тип культурного бытия «способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу»? (А. Швейцер). Наш ответ будет скорее отрицательным, хотя данный феномен весьма разнороден и, так сказать, «разноценен», Однако, по сути, массовая культура лишь микширует «блеск нищеты» индустриального общества, атомизацию бытия и отчуждение человека от природы, Бога, традиции и собственной экзистенции.

С утверждением информационно-компьютерной цивилизации ситуация с культивированием «человеческого в человеке» во многом становится ещё более проблематичной. Повседневность дополняется (замещается?) цифровой реальностью. Виртуальный мир – это зона комфорта, безопасности, пусть иллюзорной, но свободы, развлечений и удовольствия, получения разнообразной информации. Возвращаясь в реальный мир, в мир людей, индивид попадает в мир несвободы, запретов и ограничений, цифрового контроля, репрессивного бытия и назойливой пропаганды. Приспособление, включая карьеру, возможно через конформизм, а самоутверждение проблематично. Его классические формы – любовь, семья, творчество, религия, отшельничество, бунт, пафос (греч. *πάθος* - страсть, чувство) первопроходцев и искателей приключений утратили прежний романтический ореол и притягательность. В тренде – терроризм, «восстание маргиналов», гедонизм, безотчётная вера во всемогущество научных технологий и «эмиграция» в Internet. Свободный же выбор в мире людей сопряжён с ответственностью и возможными неблагоприятными последствиями. Актёр и политик, self-made man А. Шварценеггер, исходя из своего жизненного опыта, утверждал: 95% людей в мире нуждаются в том, чтобы кто-то говорил им, что делать и как себя вести. Всемирная паутина – идеальный инструмент для такого рода подсказок, «навязчивого сервиса» и манипуляций сознанием пользователей Сети. Будучи симулякром реальной жизни – взглянем на проблему шире – она, опутывая сознание человека, кардинальным образом меняет его повседневные психоментальные паттерны и поведение. Вследствие сенсорной и социальной депривации нарушается естественный процесс социализации. Это научно установленный медицинский факт. Реальный опыт повседневных взаимодействий, включая конфликты и самостоятельный поиск способов их урегулирования, замещается «опытом» псевдоактивности в Сети. Возникают серьёзные проблемы с формированием у детей, а затем и teenagers, адекватной самооценки, воли к действию и проявлению конструктивной инициативы. Подобный «крен» бытия личности чреват непредсказуемыми синергетическими эффектами и в социальном плане [6, с. 135].

Однако информационно-компьютерная цивилизация открывает и иные перспективы. Internet распахивают окно в мир цифровой реальности с её бесконечным ресурсом и возможностями для саморазвития и самовоспитания личности. Сегодняшняя повседневность для индивида становится многомерной и виртуально доступной во всём её многообразии. При наличии

соответствующих потребностей и воли индивид имеет беспрецедентную возможность для самостоятельного формирования собственного гуманитарного профиля. Вопрос только в том, кто, где и когда должен задать ему координаты Пути. Семья? Школа? «Сетевые друзья»? «Звёзды»? «Большой Брат»? Церковь? Корпорация? «Отечества отцы, которых мы должны почтить за образцы»? Наконец, искусственный интеллект? В эпоху цвишенизма (т.е. деконструкции прежних систем ценностей и дрейфа общества к неведомым берегам постгуманистического «дивного нового мира») вопрос самоопределения человека является одним из насущных в повестке дня для современных идеологов (в широком, исходном значении слова) и практиков – политиков, педагогов, учёных-гуманитариев и др.

Ещё один формат объективного бытия гуманитарной культуры – это мир высокой (элитарной) духовной культуры и её отрефлексированных форм. Речь об искусстве, мифологии, философии, теологии, идеологии и широком спектре научно-теоретических дисциплин, традиционно именуемых (социо)гуманитарными. Их объект – человек, история, культура и дух. Метафизическое предназначение высокой гуманитарной культуры – «производство» ценностей, смыслов, норм и идеалов социального бытия, рефлексия над универсалиями культуры и интерпретация социокультурных феноменов. Здесь же содержатся ответы на экзистенциальные запросы человека, формируются теоретические формы мировоззрения общества, представления об «идеальном» типе человеке и способах его культурации. Кроме того, генерируются *новые* идеи и универсалии, направления, каноны и стили, символы веры и ереси, системы ценностей, утопии и антиутопии, социальные нормы и нравственные кодексы. Изобретательство в сфере гуманитарной культуры (конкретизируем сказанное) – языки, тексты священных писаний, эпические поэмы, монотеистические религии, системы письменности, правовые кодексы, философские и этические учения, формы правления и технологии управления, институты и способы образования, библиотеки, спорт, многожанровое искусство, стили в архитектуре, суфизм, протестантизм, новоевропейский социально-политический проект, правовое государство, концепция прав и свобод человека, десятки гуманитарных наук, новые методы познания, медитация и т. д. – постоянно открывали новые горизонты истории и понимания человека, определяли направления и смысл его деяний. Гуманитарное творчество, будучи сферой самореализации конкретных индивидов (известных и анонимных), объективно способствовало формированию интеллектуальной и духовной элиты общества, закладывало основы соответствующих традиций в культурах разных народов. «Тексты» творцов социогуманитарных ценностей, явленные в образах, символах, идеях, теориях, нормах, практиках, произведениях и артефактах, взятые в единстве, представляют собой то «зеркало», смотрясь в которое, люди разных эпох узнают себя, видят своё лицо (Сартр).

Высокая гуманитарная культура придает черты уникальности и неповторимости бытию народов и цивилизаций. В этом, к слову говоря, кроется одно из её фундаментальных отличий от культуры «негуманитарной», т. е. (скажем обобщённо) логико-рациональной. Последняя опирается на интеллект как высшую инстанцию познания, понимания и преобразования действительности. Однако «не стоит обожествлять интеллект. У него могучие мускулы, но нет лица», – утверждал Эйнштейн. Позволим себе добавить: и души. Гуманитарная культура, продолжим метафору великого физика, одушевляет «мир интеллекта», и наделяет его чертами индивидуальности. Эта индивидуализация, подчеркнём этот факт, самым непосредственным образом связана с таким фундаментальным свойством головного мозга человека, как функциональная асимметрия его полушарий. Асимметрия сформировалась эволюционным путём. Левое и правое полушария ответственны за проявления разных способностей человеческой натуры. Правополушарные индивиды естественным образом тяготеют к миру чувств, образов, форм и звуков. Левополушарные – к интеллектуальным занятиям. В зависимости от исторических и социокультурных условий жизни общества, свойства асимметрии по-разному обнаруживают себя в культурном творчестве различных народов. Сбережение и приумножение культурного многообразия человечества, гуманитарной культуры любого этноса важно, таким образом, и в плане сохранения *humanitas* – человеческой природы.

Неотъемлемой частью культуры любого социума является его языковая картина мира (ЯКМ), а в ней – её человеческое измерение. Согласно Г. Гадамеру «на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир. Для человека мир есть "тут" в качестве мира; ни для какого другого живущего в мире существа мир не обладает подобным тут-бытием. Однако это тут-бытие мира есть бытие языка... Не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение – но подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир" [7, с. 512–513]. Благодаря именно языку возможны понимание и коммуникации людей друг с другом, внутренний диалог и сам процесс мышления. Возвращаясь к общему понятию «языковая картина мира» (хотя далеко не все авторы полагают корректным его использование в таком статусе) акцентируем его гетерогенность, внутреннее разнообразие. «Языковое мировидение» представляет собой систему разноплановых, но внутренне взаимосвязанных между собой языковых подсистем. К ним относятся: наивная ЯКМ, этническая ЯКМ, религиозная ЯКМ, научная ЯКМ, ЯКМ конкретного индивида и др. В каждой их, в свою очередь, можно выделить более частные подструктуры (например, этническая ЯКМ дифференцируется на такие лексические пласты, как фразеологический, сленговый, профессиональный, межпоколенчатый и т. п.). Все эти дифференциации, конечно, существуют лишь *in abstracto*. В реальности же есть континуум единой ЯКМ. В этом континууме оправдано выделение и антропологической языковой

картины. Её гуманитарное (и гуманистическое) измерение связано со способностью языка репрезентировать бытие человека и собственно «человеческое» в нём в каждом конкретно-историческом типе социума по-своему. Содержательный анализ антропологических языковых картин мира разных народов позволяет глубже понять их психологию и ментальные установки, образы «Я» и «Другого», коммуникативные паттерны, мотивацию действий и механизмы этнической идентификации. Это важно в аспекте понимающего диалога культур, особенно в нынешней ситуации политического, социального и культурного цвишенизма.

Объективированные модусы существования гуманитарной культуры необходимо рассматривать в их проекции на гуманитарную культуру личности. Как говорят англичане: доказательство существования пудинга состоит в том, что его съедают). («the proof of the pudding is in its eating»). Ценность гуманитарной культуры – в её «силе», способности индивида превращать её (силу) в инструмент трансформации не только окружающего мира, но и самого себя. И в этой связи возникает практический вопрос: как наиболее эффективно использовать весь этот разнообразный потенциал гуманитарной культуры в образовательном и учебно-воспитательном процессе? Спонтанно это как-то происходит. Однако осмысленно разработчиками соответствующих программ данный вопрос фактически не рассматривается. Редко можно услышать о проектах сотрудничества между университетами и музеями, театрами, филармонией, концертными залами и т.д. Сегодня, с учётом возможностей Интернета, при наличии заинтересованности сторон, потенциал объективированных форм гуманитарной культуры мог бы быть полноценной частью образовательного и духовно-воспитательного процесса. De facto же данный процесс замыкается на знакомстве учащихся лишь с текстами и некоторыми аспектами гуманитарной культуры – идеями, именами, произведениями, достижениями. Конечно, знаниевый аспект культуры по-своему полезен. Например, в плане эрудиции и, при случае, возможности поддержать беседу, разгадать кроссворд или поучаствовать в каком-либо шоу. Однако для полноценного развития соответствующих «сущностных сил» человека (скажем, эстетического вкуса и эстетических потребностей, чувства милосердия, «любви к отеческим гробам и пепелищам», медитации) необходимы специальные практики. А это процесс трудоёмкий и во всех смыслах затратный. К тому же результаты его не очевидны, через цифру не выразимы и в отчётах графы для них нет. Вот почему в существующей системе образовательных координат формальное гуманитарное образование обречено оставаться лишь арабеской.

Нужны перемены. Чтобы гуманистика стала тем, чем она может и призвана быть, как справедливо утверждает М. Н. Эпштейн, на её основе должны развиваться гуманитарные практики, технологии преобразования *humanitas* [8, с. 19-20]. Исходя из собственных исследований и практического

опыта, учёный предлагает план, по-своему интересный и содержательный, реформирования гуманитарных наук и гуманитарного образования, способных создавать свои технологии и играть активную роль в сотворении будущего. Вопрос, однако, в том, что предложенный проект почему-то мало кого заинтересовал. Между тем нужно понимать, что развитие современной цивилизации, в конечном счете, упирается в человека, его природу (*humanitas*), его сущностные силы. Поэтому гуманитарная культура (классическая и современная, традиционная и (нео)модернистская) должна оставаться константой в любых стратегиях преобразования мира и преображения человека.

Список литературы

1. А. Моль Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
2. Ч. Сноу. Две культуры. – М., Прогресс, 1973. – 146 с.
3. Галажинский Э. В. Беседы о сложном. Гуманитарные науки: зачем они нужны сегодня. Часть 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.tsu.ru/projects/word-to-the-rector/besedy-o-slozhnom-gumanitarnye-nauki-zachem-oni-nuzhny-segodnya-chast> (дата обращения: 5.02.2024).
4. In: – URL: <https://monitor.icef.com/2015/09/japanese-government-asks-universities-to-close-social-sciences-and-humanities-faculties/> [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.2023).
5. Donoghue F. Can the humanities survive the 21st century? // The Chronicle of Higher Education. 2010. September 5. [Электронный журнал]. – URL: <https://www.chronicle.com/article/can-the-humanities-survive-the-21st-century/> (дата обращения: 11.02.2024).
5. Моэм, Сомерсет. Узорный покров. Острие бритвы: Романы / Пер. с англ. М. Лорие; Предисл. В. Скороденко. – М.: Радуга, 1992. – 430 с.
6. Селезнёв П. С., Сургуладзе В. Ш. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества // Век глобализации: исследование современных глобальных трендов. – 2021. – № 4. – С. 131 – 144.
- 7 Г. Г. Гадамер. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./ Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
8. М. Эпштейн «От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир». – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.